

Чертихина Юлия Петровна

ассистент кафедры уголовного права
Астраханского государственного университета**МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО
СТ. 318 УК РФ,
В СИСТЕМЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ
ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ****Аннотация:**

В статье рассмотрена группа преступлений, состоящих в противодействия субъектам управленческой деятельности. Обсуждаются необходимые для квалификации преступления факты и признаки, поставлен вопрос об отсутствии в действующем УК РФ определения основных понятий в сфере названных правонарушений. «Дефицит» такого определения вызывает значительные трудности в выяснении сущности и степени общественной опасности преступлений против порядка управления.

Ключевые слова:

порядок управления, преступление, власть, насилие, угроза, представитель власти, уголовный кодекс.

Chertikhina Yulia Petrovna

Assistant, Criminal Law Department,
Astrakhan State University**THE CRIME SCENE SPECIFIED
IN THE ARTICLE 318 OF
THE CRIMINAL CODE OF
THE RUSSIAN FEDERATION
IN THE SYSTEM OF CRIMES AGAINST
THE GOVERNANCE ORDER****Summary:**

The article deals with a group of crimes characterized by resistance to authorities. The author discusses facts and features determining such offences. It is emphasized that there is a lack of the main definitions regarding the considered offences in the Criminal Code of the Russian Federation, which leads to substantial difficulties in clarification of the essence and the degree of social danger of the offences against the governance order.

Keywords:

order of governance, crime, power, violence, threat, representative of the government, the Criminal Code.

Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Помимо этих ветвей власти, признается и гарантируется местное самоуправление (ст. 10–12 Конституции РФ). Эффективная, отвечающая современным требованиям деятельность органов власти и местного самоуправления является залогом соблюдения прав и интересов граждан, успешного решения задач, стоящих перед обществом. Государство, наделяя своих представителей большими правами по сравнению с обычными гражданами, предъявляет к ним и более высокие требования, вплоть до привлечения в случаях нарушения законов к уголовной ответственности. При выполнении должностными лицами своих служебных обязанностей они обеспечиваются усиленной охраной, в том числе и применением к лицам, препятствующим такой деятельности, суровых мер ответственности. Нормы, предусматривающие ответственность за нарушение нормальной деятельности органов власти и местного самоуправления, сосредоточены в гл. 32 УК. Устанавливая суровые меры ответственности за посягательства на порядок управления, законодатель тем самым стремится обеспечить властным отношениям, складывающимся между управляющими субъектами (должностными лицами, органами управления) и управляемыми (гражданами и организациями), режим наибольшего благоприятствования в целях их нормальной реализации.

Для осуществления этих задач в ч. 2 ст. 2 УК РФ устанавливаются основания и принципы уголовной ответственности, определяются, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливаются виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений.

Нормы главы 32 УК РФ 1996 г. устанавливают ответственность за деяния, признаваемые преступлениями против порядка управления. Однако, назвав, какие деяния являются преступлениями против порядка управления, действующий УК РФ тем не менее не раскрывает их понятия. Аналогичную ситуацию с определением понятия преступлений против порядка управления мы можем наблюдать и в уголовно-правовой литературе. «Дефицит» такого определения вызывает, на наш взгляд, весьма значительные трудности в выяснении сущности, степени общественной опасности данной категории преступных деяний и их отграничении от смежных составов. В связи с этим возникает необходимость установить и раскрыть содержание наиболее существенных признаков, присущих таким преступлениям. Следует подчеркнуть, что при раскрытии содержания этого понятия в науке не сложилось единой точки зрения.

Уголовный закон ставит под охрану порядок управления. Под порядком вообще понимается «правильное, налаженное состояние, расположение чего-либо; правила, по которым совершается что-либо» [1, с. 543]. Отсюда под порядком управления в уголовно-правовом смысле, по мнению отдельных ученых, понимается «совокупность правил, закрепляющих и регулирующих устройство и компетенцию органов власти и управления и общественных организаций, а также их отношения с гражданами» [2, с. 433]. Такую формулировку П.П. Осипов называет техническим приемом. Использование его законодателем отнюдь не свидетельствует о том, что объектом охраны являются названные в законе правила, а не общественные отношения, регулируемые этими правилами [3, с. 407].

Указанными общественными отношениями являются отношения, складывающиеся в сфере управления между органами управления, с одной стороны, и гражданами, с другой, по поводу осуществления первыми административных, распорядительных функций и требующие подчиненности и управленческой дисциплины вторых. Для охраны именно этих отношений созданы нормы главы УК о преступлениях против порядка управления. Именно эти отношения являются основополагающими в определении места этих норм в системе Особенной части Уголовного кодекса.

Рассматривая преступления против порядка управления, В.Д. Меньшагин определяет порядок управления как «правильную деятельность советского государственного аппарата», при этом понимая ее в виде деятельности органов власти и управления [4, с. 385].

По мнению Г.Ф. Поленова, порядок управления – понятие довольно широкое, включающее в себя не только деятельность государственного аппарата, но и деятельность любых органов управления [5, с. 25]. В то же время он указывает, что нормы главы Уголовного кодекса, устанавливающие ответственность за преступления против порядка управления, направлены исключительно на защиту только государственного управления, поскольку, по его мнению, противоправные посягательства совершаются только в отношении деятельности государственных образований [6, с. 32]. Данной точки зрения придерживается и Л.Д. Рукавицин, определяя порядок управления как конституционно, законодательно или подзаконно установленный либо разрешенный и охраняемый государством порядок осуществления какой-либо деятельности [7, с. 96].

Круг лиц, подлежащих охране в соответствии с требованиями ст. 318 УК, значительно шире, нежели в ст. 317 УК, поскольку по закону к ним относятся не только сотрудники правоохранительных органов, но и все представители власти.

Уголовная ответственность за применение насилия в отношении представителя власти регламентируется статьей 318 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ).

Применение насилия в отношении представителя власти, а именно как указано в приложении к статье 318 УК РФ, в отношении должностных лиц правоохранительного или контролирующего органа, а также иных должностных лиц, наделенных в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости [8, с. 456], то есть лица, обеспечивающие нормальную организационно-распорядительную работу органов государственной власти и местного самоуправления.

Здесь нужно учитывать не только угрозу применения насилия и само насилие в отношении представителя власти как гражданина, но и учитывать подорванный должностной и государственный авторитет данного лица.

Согласно ч. 1 ст. 318 УК РФ потерпевшим может быть не только само должностное лицо, но и его близкие. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (УПК РФ) в п. 3 ст. 5 дает понятие близких лиц, в соответствии с ним к этой категории лиц мы можем отнести всех тех, кто окружает представителя власти, а именно это те лица, которые состоят с ним в свойстве, т. е. в близком контакте, а также лица, жизнь, благополучие и здоровье которых ему дороги в силу сложившихся между ним личных отношений. Понятие близкие родственники более узко, согласно п. 4 ст. 5 УПК РФ, к ним относят супругов, родителей, детей, усыновителей, а также родных братьев и сестер, бабушек, дедушек и внуков.

Необходимым для квалификации преступления является сам факт применения насилия или угрозы применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением своих обязанностей. Содержание угрозы должно быть реальным, т. е. у должностного лица должны быть основания полагать, что данная угроза может осуществиться, при этом способы угрозы могут быть выражены различными жестами, письменно либо устно.

Давая понятие «в связи с исполнением своих должностных обязанностей», законодатель берет во внимание не только то время, в период которого выполняются соответствующие обязанности, но и время, когда они уже выполнены. Применение насилия или угроза его применения, не связанные с исполнением обязанностей, не образует состава преступления.

Однако в науке уголовного права остается спорным вопросом само понятие «представитель власти», так как закон не дает точного и четкого указания на лиц, относящихся к той категории

граждан. Многие ученые сравнивают и различают понятие «представитель власти как должностное лицо» и понятие «государственный деятель», но нет единого мнения по данному вопросу.

И ведь действительно закон не определяет государственную должность, занимая которую представитель власти может быть признан потерпевшим. Например, Р.Т. Гамидов считает, что представители власти – это лица, обеспечивающие нормальную государственно-управленческую работу органов государственной власти и местного самоуправления и прочих лиц, осуществляющих определенные государственные или общественно полезные функции [9], т. е., другими словами, это должностное лицо, которое наделено особыми правами и обязанностями по исполнению правоприменительных функций органов государственной власти и государственного управления, а такими полномочиями обладают в первую очередь работники органов МВД, ФСБ и т. д. Однако, давая понятие «государственный деятель», Ю.М. Антонян считает, что государственными деятелями могут быть признаны не просто государственные служащие и должностные лица, а лишь те лица, которые занимают достаточно высокий пост в государстве [10, с. 288]. Здесь автор имеет в виду представителя высшего руководства страны и всех ее субъектов, в том числе руководителей всех ведомств и членов парламента. При этом Ю.М. Антонян использует такие понятия, которые мы можем также отнести к понятию должностного лица.

Ю.М. Антонян не относит сотрудников правоохранительной системы к категории государственных служащих, но можно оспорить данный факт, ведь находящиеся в должности федеральных министров руководители МВД и ФСБ также принимают решения на государственном уровне, соответственно являясь государственными деятелями и, в соответствии со ст. 318 УК РФ, являются представителями власти и должностными лицами.

Подводя итог, хотелось бы отметить следующее. Изучение ранее действовавших нормативно-правовых актов позволяет сделать такой вывод: уголовно-правовой запрет насильственных посягательств в отношении уполномоченных лиц государственных органов присутствует на всех этапах развития отечественного уголовного права. В зависимости от уровня законодательной техники, присущего тому или иному историческому периоду, и социально-экономических условий меняются законодательные формы выражения этого запрета, однако целесообразность его наличия не ставится под сомнение. В то же время постоянное дополнение уголовного закона свидетельствует о некоторой бессистемности правотворческой деятельности законодателя. Существенным недостатком уголовных законов являлось отсутствие легального определения понятие «представитель власти», на это неоднократно обращалось внимание в исследованиях по данному вопросу.

Учитывая это обстоятельство, разработчики Уголовного кодекса 1996 г. сформулировали понятие «представитель власти» в примечании ст. 318 УК. К сожалению, данное определение нельзя признать идеальным. Проблема заключается в том, что оно раскрывается через другое понятие – «должностное лицо».

Ссылки:

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986.
2. Уголовное право. Часть особенная. М., 1968.
3. Курс советского уголовного права. Часть особенная. Т. 4. Л., 1978.
4. Меньшагин В.Д. Иные преступления против порядка управления : учебник по Особенной части. М., 1957.
5. Поленов Г.Ф. Ответственность за преступления против порядка управления : дис. ... д-ра юрид. наук. Алма-Ата, 1971.
6. Там же.
7. Правопорядок: социально-правовое понятие и содержание // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности. Калининград, 1995.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.Д. Иванова. Ростов н/Д., 2002. (Серия «Закон и общество»).
9. Гамидов Р.Т. Применение насилия в отношении представителя власти: Уголовно-правовое и криминологическое исследование: На примере Республики Дагестан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
10. Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998.

References:

1. Ozhegov, SI 1986, *Russian dictionary*, Moscow.
2. *Criminal Law. Special part* 1968, Moscow.
3. *Soviet criminal law course. Special part* 1978, vol. 4, Leningrad.
4. Mentshagin, VD 1957, *Other offenses against public order: textbook on the special part*, Moscow.
5. Polenov, GF 1971, *Responsibility for crimes against public order*, D.Phil. thesis, Alma-Ata.
6. Polenov, GF 1971, *Responsibility for crimes against public order*, D.Phil. thesis, Alma-Ata.
7. 'The rule of law: social and legal concept and content' 1995, *Actual problems of law enforcement activity*, Kaliningrad.
8. Ivanov, VD (ed.) 2002, *Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation*, Rostov-on-Don.
9. Gamidov, RT 2010, *The use of violence against a government representative: Criminal Law and Criminological research: the example of the Republic of Dagestan*, PhD thesis abstract, Moscow.
10. Antonyan, YM 1998, *Terrorism. Criminological and criminal legal research*, Moscow.